

УДК 321.7:324

Шилов В. Н.

Shilov V. N.

**ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ
И ПРЕДПОСЫЛКИ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ****DEMOCRATIC POLITICAL COMPETITION
AND PRECONDITIONS OF ITS EFFICIENCY****Аннотация**

Целью исследования, отраженного в статье, является обоснование тезиса, что демократическая политическая конкуренция приводит к улучшению политического управления лишь в случае наличия определенных условий – компетентности избирателей, ответственности политической элиты, высокой правовой и политической культуры общества и др.

Методологически статья выполнена в форме политологического аксиологического комментария к теории демократии Й. Шумпетера на основе сравнительного анализа обстоятельств политической конкуренции в новейшей политической истории согласно процедурной версии демократии, разработанной Й. Шумпетером.

Результатом исследовательской работы является экспликация ценностно-смысловых оснований демократического политического управления и эффективной демократической политической конкуренции.

Применение результатов исследования возможно при построении теоретико-методологических моделей процедурной демократии с учетом исторических особенностей российского политического процесса.

К основным выводам относятся следующие положения: эффективность демократического управления тем успешнее, чем последовательнее учитывается готовность общества к использованию механизмов конкурентного способа формирования органов власти; политическая конкуренция есть лишь средство для формирования власти,

Abstract

The purpose of the research reported in the paper is to justify the thesis that democratic political competition leads to a better political control only under certain conditions – the voters' competence, responsibility of political elite, high legal and political culture, etc.

Methodologically the paper is presented in the form of politological and axiological discussion to the theory of Schumpeter democracy based on a comparative analysis of the causes of political competition in modern political history of democracy, in accordance with the procedural version, developed by J. Schumpeter.

The output is the explication of value-semantic foundations of a democratic political control and effective democratic political competition.

The application of the results is possible providing theoretical and methodological models of procedural democracy in accordance with historical features of the Russian political process.

The main conclusions are the following: the effectiveness of democratic governance is higher if more successful is the society's willingness to consistently use competitive mechanisms of forming government authorities; political competition is only a means for generating power, its aggravation is justified only by improving the quality of government and political governance.

Key words: democracy; Schumpeter; political competition; elections; voters; political governance; political elite; political culture.

ее обострение будет оправдано лишь повышением качества власти, улучшением политического управления.

Ключевые слова: демократия, Й. Шумпетер, политическая конкуренция; выборы, избиратели, политическое управление; политическая элита; политическая культура.

Еще совсем недавно общим местом в рассуждениях о политической конкуренции в России была констатация факта ее снижения, что большинством исследователей [2; 3 и др.] и политических практиков¹ воспринималось как угроза демократии и модернизации страны. Но после выборов в ГД РФ в декабре 2011 г., где оппозиционные партии существенно «приросли» числом голосов, отданных за них избирателями, а соответственно и количеством депутатских мест, когда правящая партия «Единая Россия» потеряла конституционное большинство в нижней палате парламента, уже говорится о росте политической конкуренции. И этому факту дается, в основном, позитивная оценка.

Но все ли так просто? Можем ли мы считать, что рост политической конкуренции – это гарантия прогресса политической системы, процветания страны, ее модернизации, улучшения жизни ее населения?

Вначале о том, что представляет собой феномен «политическая конкуренция». Понятие «политическая конкуренция» можно определить как соперничество в сфере политики за обладание властью, когда результаты соперничества определяет некто третий [см.: 22].

В условиях авторитарных (тоталитарных) режимов носителем верховной власти, суверенитета, этим «неким третьим» является отдельный индивид или узкая

группа лиц и те, кто стремится к участию во власти, добиваются именно их внимания и расположения. Искатели власти продают свои услуги, самих себя за долю властных ресурсов, делегируемых им верховными носителями власти.

При демократии «неким третьим», потребителем «политической продукции» является народ (население страны). Народ делегирует, дает власть тем или иным индивидам или группам лиц. Поэтому борьба за власть здесь проявляется как соперничество различных субъектов за внимание, «благосклонность» населения. Электорат за свои голоса «покупает» «политико-управленческие услуги», выбирая на политическом рынке специфические товары – политические проекты, кандидатов, стили руководства, политические партии. Отсюда и возникает соперничество производителей политических товаров и услуг, которое описывается и анализируется посредством понятия (концепта, теоретической модели) конкуренции.

Таким образом, можно говорить о демократической и авторитарной политической конкуренциях. В значительной мере упрек России в том, что ее политический режим представляет собой некий гибрид, справедлив в том плане, что судьба искателей власти в России часто зависит более от решений верховного центра или иной вышестоящей инстанции, нежели от симпатий населения, то есть в России удельный вес авторитарной политической конкуренции значителен.

Если говорить о демократической политической конкуренции, то для ее анализа весьма важно обоснование «процедурной версии» демократии, сделанное еще в середине прошлого века Йозефом Шумпетером, австрийским исследователем, переселившимся позднее в США, в книге «Капитализм, социализм, демократия» [27]. На разработки Й. Шумпетера в этом плане часто ссылаются и современные исследователи [см.: 19, с. 73].

¹ Характерны в этом отношении выступления на заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России С. Митрохина и С. Миронова [см.: 18]. Об этом также см.: [20].

Свое понимание демократии Й. Шумпетер сопровождает критикой традиционной, (содержательной, ценностной) версии демократии, когда демократия видится как политический режим, где имеет место правление народа, выражение интересов народа. Так, он отмечает, что понимание демократии в этимологической расшифровке как правление народа делает границы этого феномена крайне расплывчатыми. Во-первых, по-разному понимается «народ». В разные исторические периоды существовали разные критерии для включения тех или иных групп населения в «народ»; «существовали государства, открыто практиковавшие дискриминацию различных статусных групп населения <...> и тем не менее демонстрировавшие большинство характеристик, обычно связываемых с понятием «демократия»» [23, с. 639].

Во-вторых, во всех политических режимах, если это не кровавая диктатура, присутствует какая-то поддержка народом (населением страны) власти, ибо даже авторитарная власть в той или иной мере выражает волю народа и способствует реализации его интересов. «Наивно полагать, что демократический процесс полностью исчезает, прекращает работать при автократии, что правитель, обладающий властью, сознательно пренебрегает волей собственного народа и ни при каких обстоятельствах не стремится ей следовать» [23, с. 635].

В-третьих, «за пределами «прямой», «непосредственной» демократии лежит бесконечное множество возможных форм, в рамках которых народ способен принимать участие в делах государственного управления или же влиять на него и контролировать тех, кто на самом деле его осуществляет. Ни одной из таких форм, особенно это касается реально функционирующих, не может быть предоставлено исключительное право носить название «правление народа»» [23, с. 643].

Трактовка демократии как правления народа, полагает Й. Шумпетер, основана на ошибочной предпосылке наличия некоего общего блага, которого на самом деле нет. И здесь мы должны согласиться с классиком экономической и политической мысли: интересы различных групп населения отличаются друг от друга, они по-разному трактуются. И даже если исходным пунктом является воля большинства населения, то и в этом случае речь пойдет лишь о части народа, а не обо всем народе. Модель «демократии тождества» – неотъемлемый признак тоталитарных политических режимов.

Й. Шумпетер предлагает рассматривать демократию не с точки зрения ее содержания (субъекта правления, целей власти, направленности ее действий), а с точки зрения процедуры. «<...> Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей <...>, у нас есть достаточно эффективный критерий, при помощи которого демократические правительства можно отличить от прочих. Мы видели, что классическая теория сталкивается с трудностями в подобном разграничении, поскольку воле и благу народа могут служить, и во многих исторических ситуациях служили, правительства, которые нельзя назвать демократическими в соответствии с любым из общепринятых смыслов этого слова. Теперь мы в несколько лучшем положении, поскольку решили делать акцент на *modus procedendi* [процедуре – лат.], наличие или отсутствие которого в большинстве случаев легко проверить» [23, с. 667-668].

Здесь имеет место, по существу, рыночная процедура выбора (покупки) населением политического лидера (партии) как товара. В связи с этим Й. Шумпетер отмечает: «Не может быть серьезным по-

литиком тот, кто не выучил на всю жизнь изречение, приписываемое одному из наиболее преуспевших политиков в истории: «Чего не понимают бизнесмены, так это того, что я торгую голосами точно так же, как они торгуют нефтью» [23, с. 684].

Импонирует и подход Й. Шумпетера к демократии не как к некой абсолютной ценности, а как к средству. «Демократия – это всего лишь метод, так сказать, определенный тип институционального устройства для достижения законодательных и административных политических решений. Отсюда – она не способна быть целью сама по себе, безотносительно к тем решениям, которые будут приниматься в конкретных обстоятельствах при ее посредстве <...>» [23, с. 637], – такова позиция исследователя. «Демократия процветает тогда, когда модель общества обладает определенными характеристиками, и бессмысленно спрашивать, как она будет существовать при других социальных моделях, не обладающих этими характеристиками, или как будут жить люди в таких обществах в условиях демократии» [23, с. 689].

Таким образом, демократическая политическая конкуренция является процедурой, применение которой требует определенных социальных условий. Поэтому прежде чем восхвалять политическую конкуренцию и, тем более, ее рост, следует выяснить, сложились ли условия для политической конкуренции (в дальнейшем везде мы будем говорить о политической конкуренции, имея в виду, демократическую политическую конкуренцию – В. Ш.).

Определим основные из этих условий, необходимых для того, чтобы политическая конкуренция приводила к улучшению политического управления, давала общий положительный социальный эффект, опираясь, на высказывания по этому поводу Й. Шумпетера, дополняя их аналитическим материалом других исследователей.

На первое место в перечне условий, необходимых, чтобы политическая кон-

куренция повышала качество власти, мы бы поставили готовность населения к осуществлению отбора лидеров и партий. Избиратели должны обладать определенной компетентностью, чтобы «противостоять предложениям обманщиков и маньяков» [23, с. 694].

Российские избиратели часто бывали обманутыми. Так было в 90-е гг., когда они, поверив красноречивым критикам партийной номенклатуры, прежде всего их лидеру Б. Ельцину, были брошены в пучину хаоса и нищеты. Стоит вспомнить и том, что позднее стараниями депутатов Государственной думы, избранной населением страны, было принято столько законов, показывающих заботу законодателей о населении, что требовалось 2-3 бюджета страны, чтобы наполнить их реальным финансовым содержанием. На последних выборах многие из избирателей также поверили партиям, обещающим заведомо невыполнимое. Значительная часть российского общества не всегда готова «противостоять предложениям обманщиков». Именно это стало причиной сокращения сферы демократической политической конкуренции в России в начале этого века: так, повсеместно были отменены прямые выборы населением глав регионов, а в некоторых муниципальных образованиях – и руководителей этих образований. Лишь в Послании Президента Федеральному собранию в декабре 2011 г. было предложено снова «перейти к выборам руководителей субъектов Российской Федерации прямым голосованием жителей регионов» [14].

Важно также, чтобы избиратели были готовы к компромиссу, готовы были с пониманием отнестись к тому факту, что их выбор не будет поддержан другими избирателями. Для этого необходимо не только уважение мнения других членов общества, но и определенная общность интересов различных групп населения, которая основана на соответствующей экономической и социальной структуре общества. Лишь

в этом случае выбор одних не будет означать резкое ухудшение положения других. Необходима и достаточная гражданская зрелость в плане наличия республиканского сознания, когда то, что происходит в обществе, видится как «общее дело». Выбирая кандидата или партию «для себя», они по существу выбирают их «для всех», с учетом интересов этих «всех».

При несоблюдении вышеуказанных условий, при недостаточной готовности населения, избирателей к ответственному выбору в обществе может повыситься степень конфликтности, вплоть до вооруженного противостояния. Как отмечает Й. Шумпетер, «демократическое правительство будет работать наилучшим образом, только если все значимые интересы практически одинаковы не только в своей преданности стране, но также в лояльности основным принципам существующего общества. Когда эти принципы подвергаются сомнению и возникают проблемы, которые раскалывают нацию на два враждебных лагеря, демократия работает в невыгодных условиях. И она может совсем прекратить работать, как только люди перестают видеть почву для компромисса между интересами и идеалами, о которых идет речь» [23, с. 696].

В условиях России, когда доходы 10 % наиболее обеспеченных граждан и 10 % ее наименее обеспеченного населения разнятся примерно в 16 раз [см.: 4; 21, с. 205, 211], основа для компромисса интересов далеко не идеальная. Хотя эти данные сопоставимы с ситуацией в США (15,9 на 2007 г.), но отличаются в худшую сторону от показателей Японии (4,5 в 1993 г.) или Норвегии (6,1 в 2000 г.) [см.: 4].

Как отмечал А. Пшеворский, «теория демократии XVIII столетия видела в демократическом процессе рациональное рассуждение, ведущее к единодушию и отвечающее общему интересу. Если население однородно или если его интересы гармоничны, то у него может быть один и

только один интерес, который одновременно является общим и рациональным. Согласно этой установке, все расхождения суть расхождения во мнениях: не существует конфликтов, которые нельзя было устранить рациональным обсуждением. Политика имеет эпистемологический смысл: это поиск истины. А статус консенсуса является моральным: это «воплощение общего интереса» [16, с. 135].

Подобная трактовка демократии оправдывала то, что в народ первоначально включались группы населения с относительно однородными интересами. Поэтому в истории развития демократической конкуренции мы наблюдаем эволюцию границ субъекта выборов, «объема народа», постепенное расширение числа избирателей. Это достигалось за счет наличия различного рода цензов (имущественного, образовательного, оседлости и др.), которые делали массив избирателей более или менее однородным. Полученная таким образом относительная однородность контингента избирателей («народа») позволяла находить компромисс между различными альтернативами (кандидатами, партиями, программами), привлекательными для его отдельных сегментов (разных социальных, культурных, этнических и др. групп). Так во Франции в 1815-1830 гг. только 0,25-0,3 % населения участвовали в голосовании. В Англии по закону 1832 г., расширившему избирательные права, их получили 14-18 % мужчин; всеобщее избирательное право было введено только в 1928 г. [13, с. 18].

Сегодняшняя трактовка демократии далека от того, чтобы видеть в ней нечто сугубо рациональное. «Решения, принятые большинством голосов или по правилам, вовсе не обязательно рациональны, – отмечает А. Пшеворский. – Повседневная жизнь демократии – зрелище, не вызывающее благоговейного трепета: бесконечные препирательства, мелочные амбиции, риторика, призванная что-то за-

тушевать или ввести кого-то в заблуждение, сомнительные связи власти и денег... Конфликты ценностей и интересов присущи всем обществам. Демократия нужна именно потому, что мы не можем договориться. Демократия – всего лишь система урегулирования конфликтов, обходящихся без убийств; это система в которой есть расхождения, конфликты, победители и побежденные. Только в авторитарных системах не бывает конфликтов» [16, с. 137-138]. Но подобное видение демократии – это уже достояние современности, когда в обществе есть конфликт интересов, но нет антагонизма интересов, когда возможно достижение компромисса между различными социальными группами. Для этого в обществе требуется определенный минимум доверия друг к другу.

Современная демократия, понятая в процедурном аспекте, как демократическая политическая конкуренция, требует и определенного типа человека. Как отмечал А. Панарин, «демократическая система имеет в виду автономного, неподопечного субъекта, которому некого благодарить за свое благополучие и некого винить в неудачах. Ее главные принципы суверенность, самостоятельность и ответственность, исключаящие потакание и покровительство, <...> в условиях демократии индивид вступает в отношения не с какой-то высшей, стоящей над обществом инстанцией (таких просто нет), а лишь с равными ему в правовом положении субъектами, у которых ничего нельзя выпросить или “выбить”, а можно только обменять на рынке товаров и услуг» [12, с. 266-267].

Интересна мысль А. Панарина и о том, что «процедура демократических выборов имеет смысл лишь в том случае, когда индивиды участвуют в электоральном процессе не как выразители той или иной коллективной (классовой) воли – тогда распределение голосов было бы predeterminedено численным соотношением основных групп общества, а как носители

автономной воли. В этом смысле демократия – номиналистская система, в которой ожидание и ценности единой коллективной судьбы, как и принципы подчинения частного общему, индивидуального здравомыслия коллективной воле, являются неуместными. Не случайно демократические ценности с трудом прививаются в тех культурах, где прочно укоренены “соборные” идеалы и этика “самоотверженного служения”. Демократиям не противопоказаны героика и жертвенность, но там они стоят под знаком индивидуально осмысленного выбора, а не слепой преданности и веры» [10, с. 10-11]. «Мир плюралистической демократии населен совсем другими людьми, с которыми, по правде говоря, классическая литература, в особенности русская, нас не знакомила. Это люди остывшего религиозного темперамента, не предъявляющие максималистских требований ни к себе подобным, ни к обществу в целом. Вот он – парадокс демократии: ее предпосылкой является в определенном смысле порча человека – угасание морально-религиозного пафоса, <...> несвободные от скептического цинизма “разумные эгоисты” способны договариваться между собой и идти на компромиссы, тогда как ценностно-ориентированные максималисты предпочитают вести “борьбу до конца”» [11, с. 160-161].

В отношении «номиналистской демократии» Россия не самая удачная страна: до сих пор, как показывают социологические опросы, значительная часть населения исходит из предзаданности общего интереса, не видит в общем интересе результат соотношения и компромисса частных интересов. Специфичным для российской политической культуры в этом плане является и отношение к политическим партиям. В сознании россиян доминирует мнение, что партии должны работать на общее дело, а не защищать интересы каких-то отдельных групп населения. Отсюда и негативное отношение к межпартийному соперничеству. Более того, большинство

населения (57 %) с пониманием бы отнеслось к тому, что партии должны действовать в интересах страны, даже если это ущемляет интересы их избирателей. Только 34 % опрошенных полагают, что политические партии должны бороться друг с другом за интересы своих избирателей, даже если это противоречит интересам страны в целом [см.: 17, с. 37].

Для успешного развертывания демократической политической конкуренции необходима также определенная социальная стабильность. «Обобщенно говоря, демократический метод находится в невыгодных условиях в беспокойные времена, – подчеркивает Й. Шумпетер. – В действительности демократии всех типов единодушно признают, что бывают ситуации, когда разумнее отказаться от конкурентного лидерства и принять монопольное» [23, с. 696]. Нужно согласиться с мнением В. Иноземцева, что «история XX века продемонстрировала, насколько опасной может быть демократия, если своим правом голоса пользуются неудовлетворенные и разуверившиеся в завтрашнем дне избиратели. Демократизация в условиях серьезного и затяжного экономического коллапса – самая страшная угроза для будущего демократии» [5, с. 7].

Для поддержания демократии в ее процедурной версии важно чтобы у населения было желание выбирать власть. На сегодняшний день общей тенденцией для многих стран является снижение числа людей, участвующих в выборах органов власти. Это можно расценить как разочарование населения в конкурентной процедуре формирования органов власти, разочарование в самой демократии, как делегитимацию демократии. Причем это характерно не только для стран, находящихся в демократическом транзите, но и для таких стран консолидированной демократии, как ФРГ, о чем с тревогой пишут немецкие исследователи [25, с. 25-28].

Для социальной эффективности демократической конкуренции, которая состоит в формировании дееспособной, успешной власти, необходимо и наличие качественного «политического товара» (кандидатов, партий, политических альтернатив). В связи с этим Й. Шумпетер отмечает: «Демократический метод отбирает кандидатов не просто из всего населения, но только из тех частей населения, для которых доступна профессия политика, точнее говоря, из тех, которые выставляют на выборах свои кандидатуры. Это, конечно, происходит при любом способе отбора. Любой из них, в зависимости от того, насколько данная профессия привлекает талантливых и выдающихся людей, может производить политиков на уровне выше или ниже среднего для данной страны. Но, с одной стороны, конкурентная борьба за ответственный пост означает пустую трату людей и энергии. С другой стороны, демократический процесс может легко создать в политическом секторе такие условия, которые, установившись однажды, будут отвращать большинство из тех, кто может достичь успеха в какой-либо другой сфере. По этим причинам адекватность человеческого материала особенно важна для успеха демократического правления. Неверно, что в условиях демократии люди всегда получают правительство такого типа и качества, которое они хотят или заслуживают» [23, с. 690].

Вполне возможно, что лучшие представители нации, наиболее достойные по интеллектуальным и моральным качествам, чтобы войти в политическую элиту, а затем уже быть из нее избранными населением для выполнения властных функций, избегают политики, предпочитая для себя иные сферы деятельности – бизнес, науку, искусство. При авторитарной форме правления, когда политическая элита воспроизводится путем кооптации, существует возможность минимизировать риск попадания во власть случайных людей.

Предложение войти во властные органы могут получить подготовленные для политического управления люди, и не помышлявшие о политической карьере. В условиях демократической политической конкуренции это маловероятно. Здесь первично желание «идти во власть».

Имеет смысл в этом плане принять во внимание следующие рассуждения Й. Шумпетера: «Есть довольно много путей обеспечения политиков достаточно хорошего качества. Однако до сих пор опыт, похоже, подсказывает, что единственной эффективной гарантией является существование особого социального слоя, для которого занятия политикой естественны и который сам по себе является продуктом жесткого процесса отбора. Если такой слой не слишком недоступен, а с другой стороны, не слишком доступен людям со стороны, и если он достаточно силен, чтобы ассимилировать большинство включенных в него элементов, он не только поставит для политической карьеры людей, успешно прошедших испытания в других областях, – как бы пройдя ученичество в частных делах, – но и повысит степень их соответствия государственной службе, дав им традиции, которые включают опыт, кодекс профессиональной чести, и общие взгляды» [23, с. 690].

Опыт новейший России показал, что страна не имеет достаточной «массы», подготовленного слоя политиков-профессионалов, носителей «кодекса профессиональной чести». Прежняя авторитарная традиция воспроизводства политической элиты, «номенклатуры», была прервана, новая демократическая только складывается. Но радуется уже то, что в настоящее время ситуация с формированием политической элиты значительно лучше, нежели в 90-е гг. прошлого века.

При наличии политической элиты как совокупности кандидатов на выбор, «покупку» населением страны (народом) важно, чтобы элита была плюралистич-

на и предлагала несколько альтернатив. В случае повышенной сплоченности политической элиты избиратели не будут иметь реальных политических альтернатив для выбора. Тогда псевдоальтернативы могут предлагаться маргиналами (безответственными политическими силами, имеющими малый реальный вес в политике) или внесистемными деструктивными силами. При этом по существу не будет достаточно острой политической конкуренции, побуждающей сегменты политической элиты к самосовершенствованию, «к повышению качества политического товара» в борьбе за голоса избирателей.

К сожалению, возрастание остроты политической конкуренции в современной России не привело к появлению в России новых перспективных, адекватных эпохе политических проектов. Проект, предлагаемый КПРФ, основан на ностальгии по советскому прошлому, не учитывает изменений, которые произошли и в мире, и в стране. Вряд ли национализация основных средств производства, лежащая в основе этого проекта, явится основой для динамичного развития страны. По существу социал-демократическая версия «социализма XXI века», предлагаемая «Справедливой Россией», терпит крах в странах Запада, породив в них хронический дефицит бюджета, а отсюда и долговой кризис. В России эта модель стимулирует нереалистические потребительские ожидания.

Кроме политиков-профессионалов, выбираемых населением, для обеспечения эффективного государственного управления страна должна иметь и «подготовленную бюрократию, имеющую высокий статус и исторические традиции, обладающую сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира» [23, с. 693]. Именно бюрократия в условиях сменяемости (ротации) в ходе выборов политической элиты призвана обеспечивать непрерывность власти и застраховывать общество от ошибок и возможного диле-

тантизма вновь пришедших к власти. Российская бюрократия – это уязвимое место страны. Высокая степень коррумпированности чиновничьего аппарата порождает тяготение населения к «сильной руке», воспроизводит авторитарные традиции, вызывает разочарование в демократии. Россия не может позволить себе «шатания» в выборной власти. Всякий ее кризис не будет компенсирован бюрократическим аппаратом, а наоборот, этот аппарат непременно использует сложившуюся ситуацию для реализации своих личных интересов в ущерб общественным.

Условием успешности демократической процедуры формирования органов власти является и соблюдение всеми участниками «правил игры». Это касается как представителей элиты, так и избирателей. Лидеры, партии, стремящиеся к власти, не должны использовать незаконные методы устранения своих соперников. Как подчеркивает Й. Шумпетер, «эффективная борьба за лидерство требует большой терпимости к разнице во мнениях <...>, эта терпимость никогда не является и никогда не может быть абсолютной. Но каждый потенциальный лидер, который не стоит вне закона, должен иметь возможность изложить свою позицию, не создавая беспорядка. Это может означать, что люди терпят, когда кто-то атакует их самые жизненно важные интересы или оскорбляет наиболее дорогие им идеалы. Это может также означать, что и лидер, который имеет такие взгляды, сдерживает себя. Ни одна из этих ситуаций невозможна без подлинного уважения к мнениям сограждан, предполагающего даже подчинение им собственного мнения» [23, с. 695].

Выборы в ГД РФ в декабре 2011 г. России показали, что фальсификации на выборах остаются значительными. И во многом они проистекают из нетерпимости всех политических сил к своему политическому конкуренту, когда он видится не как оппонент, а как враг, в соперничестве с которым допустимы все приемы.

Что касается избирателей, то они обязаны принимать результаты выборов, если не были нарушены правила, как должное, не оспаривая их. При этом они не стремятся к тому, чтобы в нарушение принятой процедуры навязать свою волю всему обществу, видя в ней единственную, абсолютную истину. Говоря словами Й. Шумпетера, избиратели должны быть «согласны стоять в очереди за хлебом; они не должны пытаться ворваться в магазин <...>, это требует большой степени добровольной самодисциплины <...>. Но даже для необходимого минимума демократического самоконтроля, очевидно, требуются определенный национальный характер и национальные привычки, для возникновения которых не везде были условия; нельзя надеяться, что сам по себе демократический метод произведет их» [23, с. 696].

В ряде постсоветских стран именно оспаривание результата выборов привело к политическим потрясениям. При этом небольшая по численности часть населения страны, преувеличивая многократно реальные фальсификации на выборах, объявляла себя подлинным народом или брала на себя полномочия выражать его интересы, преследуя при этом цели, далекие от интересов большинства населения страны. Так при «цветных революциях» в ряде стран СНГ («революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» в Украине, «тюльпанная революция» в Киргизии) несколько тысяч активно действующих, преимущественно молодых людей, выступая от имени народа, по существу свергли существовавшие там политические режимы. Здесь мы имеем дело с политической технологией, именуемой «демотехникой». Власть, желая сохранить имидж демократической власти, не может действовать насильственно по отношению к «народу», и агрессивное меньшинство, объявившее себя народом, свергает власть [см.: 6, с. 17-22].

Была попытка подобный сценарий реализовать в декабре 2011 г. и в России. Но

инициаторы «передачи власти народу» не нашли необходимой поддержки у протестующих против фальсификаций на выборах.

Демократическая политическая конкуренция требует определенного уровня развития СМИ. Все акторы, участвующие в политической борьбе, должны иметь возможности донести до избирателей информацию об особенностях своего «политического товара», его преимуществах перед аналогичным «товаром» своих соперников. В условиях информационного общества, когда СМИ являются четвертой властью, важно, чтобы у субъектов конкуренции были равные возможности доступа к СМИ. В ином случае «покупатель политического товара» не будет знать о возможных политических альтернативах, больше соответствующих его интересам. В данном случае избиратель станет жертвой политической рекламы, когда ему навязывается далеко не лучший «политический товар».

Демократическая процедура будет давать определенный эффект, если и после выборов также будут соблюдаться определенные условия. Как отмечает Й. Шумпетер, «политики в парламенте должны противиться искушению наносить поражение правительству или стеснять его каждый раз, когда у них есть возможность это сделать. Если они будут это делать, никакая успешная политика невозможна» [23, с. 694]. С другой стороны, «избиратели вне парламента должны уважать разделение труда между ними самими и политиками, которых они избирают. Они не должны слишком легко отказывать в доверии депутатам в промежутке между выборами и должны понимать, что раз они избрали индивида, то политические действия – это его дело, а не их» [23, с. 695].

В известной мере мероприятия по преодолению кризиса в странах Евросоюза тормозятся протестной активностью населения. Преодоление долгового кризиса невозможно без преодоления дефицита бюджета, что в свою очередь тре-

бует сокращения социальных расходов. Мера готовности населения стран Европы смириться с неизбежным сокращением уровня потребления, готовности принять решения выбранной ими власти и будет мерой прочности там демократии.

«Нельзя ожидать эффективного функционирования демократии до тех пор, пока подавляющее большинство людей во всех классах не согласится подчиняться правилам демократической игры, что в свою очередь означает, что они в основном согласны с фундаментальными принципами институциональной структуры» [23, с. 702] – подчеркивает Й. Шумпетер. «Последовательный демократ будет рассматривать любую попытку социальной реконструкции, связанную с нарушением демократических процедур, как порочную в своей основе, как бы ни казалась она ему привлекательной со всех других точек зрения. Попытка навязать народу нечто пусть даже и представляющееся кому-то привлекательным, но не желаемое самими людьми, – даже в том случае, если ожидается, что это новшество со временем придется по вкусу и принесет результаты, которые они смогут по достоинству оценить, – является отличительным признаком антидемократических убеждений» [23, с. 629-630]. Таким образом, существенную роль в сохранении демократической конкуренции играет и отношение к демократии не только как к средству, но и как к самооценности, что характерно для стран консолидированной демократии. В этом плане для стран, только вставших на путь развития демократии, существует риск попасть в откатную волну демократии. «Ориентация на технократический успех формирует новый тип легитимности, – отмечает Е. Кузнецова, – легитимности результата, заменяющий собой более привычную для Запада легитимность процедуры (как отмечает выдающийся правовед Джозеф Вейле, “демократия должна основываться

свою легитимность именно на процедуре, на процессе выбора, иначе авторитарные режимы следовало бы признать более эффективными») [8, с. 287, 288].

В этом отношении можно упрекнуть нынешнее руководство России в отступлении от процедурной версии демократии, от понимания ее как самоценности. Действительно, его логика действий такова: для успешного проведения реформ необходимо иметь предсказуемый, если не подконтрольный парламент. Чтобы не дать его, как выразился В. Путин, «расквасить» [15], необходимо обеспечить победу на выборах правящей партии «Единая Россия». Потеря необходимого для принятия законов большинства рассматривается как угроза благополучию страны. Поэтому большинство должно быть обеспечено даже вопреки волеизъявлению граждан на выборах. О последнем не говорится, но оно партийным активом «Единой России» воспринимается как негласное руководство к действию. Данная ситуация не позволяет дать ей однозначную оценку. Что важнее: следовать демократической процедуре и получить в результате нестабильность в стране, или обеспечить стабильность, в чем-то нарушив эту процедуру? Для ответа на этот вопрос мы вновь должны погрузиться в рассуждения о наличии/отсутствии компетентных избирателей, ответственной политической элиты, о готовности страны к высоким стандартам демократии и т. п.

При отсутствии вышерассмотренных условий сам процесс выборов, демократической конкуренции может породить конфликт. Как отмечает американский политолог Дж. Сидер: «За выборами в молодых демократиях Алжира, Бурунди, и бывшей Югославии последовали гражданские войны» [24, с. 20]. «Большинство конфликтов в Африке возникают из спора о результатах выборов» [26, с. 69], – отметил президент Ботсваны Ян Кхама на открытии пятой конференции глобальной электоральной организации. Можно дополнить, что за

альтернативными выборами в СССР последовали его распад и гражданские войны на ряде его территорий. Успех выборам (демократической политической конкуренции) сопутствует там, где есть достаточно сильные политические институты, поэтому необходимо «через мягкие реформы создавать почву для институционального развития, укрепления либеральных сил, закрепления принципов правового государства» [24, с. 21].

Правовое государство, правовая культура необходимы не только для честной политической конкуренции, но и для разрешения возможных споров и недоразумений, возникающих при этой конкуренции. Возникшие претензии политических конкурентов друг к другу не должны приводить к конфликту и, более того, к силовому взаимодействию. Для этого соперничество снова переводится в форму конкуренции, но уже правовой конкуренции, когда третье лицо – независимый суд, реализующий обезличенную волю народа в виде закона, – принимает решение в пользу той или иной стороны.

При уже упомянутой политической технологии «демотехники» нарушения на выборах используются оппозицией как повод для свержения действующей власти. В данном случае не суд, а возбужденная толпа, агрессивное меньшинство, объявившее себя народом, выносит окончательный вердикт.

В настоящее время уже нет былого оптимизма в отношении темпов распространения демократии. Высказываются мнения о преобладании свертывания демократии над ее распространением. Поэтому часто рекомендации о внедрении демократической политической конкуренции носят сдержанный характер. Так Т. Каротерс, директор по научным исследованиям Фонда Карнеги, пишет о том, что «если страна не располагает необходимыми условиями и институтами, способными в перспективе поддержать развитие демократии,

– например, если нет опыта политического плюрализма, социальные преобразования предпочтительно осуществлять постепенно. Скажем, систему выборов можно ввести сначала на местном уровне и только потом распространять до общенационального. Или можно сначала сконцентрироваться на создании демократической законодательной власти и только затем вводить систему открытых выборов в органы исполнительной власти. <...> Реформизм предполагает безотлагательное начало процесса демократизации – пусть и маленькими шажками. Недобросовестная власть, конечно, может злоупотребить этой концепцией, тормозя демократизацию под предлогом необходимости двигаться не спеша. При искреннем же желании руководства страны развивать демократию данный подход может стать альтернативой необдуманно стремительному и иной раз чреватому опасными “подводными камнями” переходу от жесткого авторитаризма ко всецело демократической системе, вполне типичному для многих демократических транзитов “третьей волны”» [7, с. 302].

Новейшая история России может быть примером того, как почти одномоментное введение выборности на всех уровнях – от производственных коллективов до президента – привело к серьезным негативным последствиям. Была явно переоценена степень готовности населения и политической элиты к демократической политической конкуренции. Но и раньше, в 1917 г., Россия столкнулась с негативными последствиями поспешной демократизации. Как отмечает Б.В. Межуев, «постепенная демократизация могла растянуться в России на целый век, однако одномоментное расширение избирательного права в 1917 г. привело к немедленному провалу всех институтов конкурентной демократии» [9, с. 10].

В этом отношении вполне разумным видится путь Китая, где политическая конкуренция допускается пока лишь на местном уровне и в виде конкуренции внутри КПК [1, с. 80].

Кроме внутренних социокультурных и институциональных предпосылок, для успешного внедрения демократической политической конкуренции важны и внешние условия. К ним можно отнести отсутствие военных угроз, дружеские отношения с соседними странами. В противном случае будет создаваться почва для возрождения мифа о единой воле народа, воплощением которой займется та или иная политическая сила. Будет повод для рассмотрения политической конкуренции как деструктивного процесса, подрывающего единство общества.

Факт обострения политической конкуренции в России налицо. Но насколько Россия готова к этому? Видимо, окончательный ответ будет дан не в этот общенациональный избирательный цикл. Выборы в ГД РФ в декабре 2011 г. состоялись; сохранилась преемственность власти и при выборах президента РФ в марте 2012 г. У страны еще есть 3-4 года, чтобы подготовиться к следующему избирательному циклу в плане улучшения социально-экономической ситуации, повышения компетентности электората и ответственности политических элит. В любом случае надо помнить, что политическая конкуренция есть лишь средство для формирования власти, что ее обострение будет оправдано лишь в том случае, если это приведет к повышению качества власти, улучшению политического управления.

Литература:

1. Бергер Я. Китайская модель развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 9. С. 73-81.
2. Вишневский Б.Л. Политическая конкуренция в России: хроника снижения // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2007. № 2. С. 290-298.
3. Гельман В.Я. Политические партии в России: от конкуренции – к иерархии // Политические исследования. 2008. № 5. С. 135-152.

4. Журавлев С. Инфляция рекордно низка // Эксперт Online. 10.01. 2012. URL: <http://expert.ru/2012/01/10/inflyatsiya-rekordno-nizka/?n=66995> (дата обращения: 25.10.2013).

5. Иноземцев В.Л. Введение // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 3-10

6. Кара-Мурза С.Г. Государство переходного периода: исчезновение народа // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 3-27.

7. Каротерс Т. О глобальной демократии и содействии в ее развитии // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 297-310.

8. Кузнецова Е. Демократия в эру ограниченного суверенитета // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М.: Изд-во «Европа», 2010. С. 281-396.

9. Межуев Б.В. Перспективы политической модернизации России // Политические исследования. 2010. № 6. С. 6-22.

10. Панарин А.С. Введение в политологию. М.: Новая школа, 1994. 320 с.

11. Панарин А.С. Политология. Учебник. М.: «ПРОСПЕКТ», 1998. 408 с.

12. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.

13. Полтерович В.М., Попов В.В. Демократизация и экономический рост // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 13-27.

14. Послание Президента Федеральному Собранию. 22 декабря 2011 года. URL: <http://kremlin.ru/news/14088> (дата обращения: 20.10.2013).

15. Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин встретился с руководством фракции «Единая Россия» в Государственной Думе. 24.11.2011. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17222/> (дата обращения: 20.10.2013).

16. Пшеворский А. Демократия и рынок.

Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2000. 320 с.

17. Романович Н.А. Социокультурный механизм формирования отношения к власти в российском обществе. Автореф. дис. ... доктора соц. наук. М., 2010. 42 с. URL: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=6469&from54=4> (дата обращения: 20.10.2013).

18. Стенографический отчет о заседании Государственного совета по вопросам развития политической системы России. 22.01.2010. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693/> (дата обращения: 23.10.2013).

19. Урнов М. Ниспровергнуть авторитарное большинство: непростая задача // Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века. М., 2010. С. 73-88.

20. Шилов В.Н. Межпартийная конкуренция в России: современные реалии и перспективы // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 1(96). Выпуск 17. С. 190-198.

21. Шилов В.Н. Социальное равенство как цель политики и современная Россия // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 13(84). Выпуск 15. С. 203-211.

22. Шилов В.Н., Рылкина А.П. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2011. № 13(108). Выпуск 19. С. 176-184.

23. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007. 864с.

24. Konfliktrisiko in demokratischen Übergangssituationen // FES (Friedrich-Ebert-Stiftung) – INFO. № 1. 2010. S. 20-21.

25. Krell Chr., Mörschel T. Mehr Bildung, mehr Gleichheit, mehr Alternativen. Demokratie in Deutschland 2011 // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. № 5. 2011. S.25-29.

26. Rolle von Wahlkomisionen // FES-INFO. № 2. 2011. S. 69-70.

27. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. 1942. 381pp.

References:

1. Berger Ya. Kitaiskaya model razvitiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [China's Model of Development // World Economy and International Relations]. № 9. 2009. pp. 73-81.

2. Vishnevsky B.L. Politicheskaya konkurentsia v Rossii: khronika snizheniya // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political Competition in Russia: Chronicle of Decrease // Political Expertise: POLITEX]. № 2. 2007. pp. 290-298.

3. Gelman V.Ya. Politicheskie partii v Rossii: ot konkurentsii k ierarkhii // Politicheskie issledovaniya [Political Parties in Russia: from Competition to Hierarchy // Political Studies. № 5. 2008. pp. 135-152.

4. Zhuravlev S. Inflyatsiya rekordno nizka // Ekspert Online. 10.01.2012 [The Inflation is Record Low // Expert Online]. 10.01.2012. URL: <http://expert.ru/2012/01/10/inflyatsiya-rekordno-nizka/?n=66995> (accessed October 25, 2013).

5. Inozemtsev V.L. Vvedenie // Demokratiya i modernizatsiya: k discussii o vyzovah XXI veka [Introduction // Democracy versus Modernization: Discussion on the XXI Century's Challenges]. Moscow: Publishing House "Europe" 2010. pp. 3-10.

6. Kara-Murza S.G. Gosudarstvo perekhodnogo perioda: ischeznoenie naroda // Sotsialno-gumanitarnye znaniya [The State of Transition Period: Disappearance of the Nation // Socio-Humanitarian Cognition]. № 1. 2006. pp. 3-27.

7. Carothers Th. O globalnoy demokratii i sodeistvii v ee razvitiu // Demokratiya i modernizatsiya: k discussii o vyzovah XXI veka [On Global Democracy and Facilitation of its Development // Democracy versus Modernisation: Discussion on the XXI Century's Challenges]. Moscow: Publishing House "Europe", 2010. pp. 297-310.

8. Kuznetsova E. Demokratiya v eru ogranichennogo suvereniteta // Demokratiya i modernizatsiya: k discussii o vyzovah XXI veka [Democracy in the Era of Limited Sovereignty // Democracy versus Modernisation: Discussion on the XXI Century's Challenges]. Moscow: Publishing House "Europe", 2010. pp. 281-396.

9. Mezhuev B.V. Perspektivy politicheskoy modernizatsii Rossii // Politicheskie issledovaniya [Prospects of Political Modernization in Russia // Political Studies]. № 6. 2010. pp. 6-22.

10. Panarin A.S. Vvedenie v politologiyu [Introduction to Politology]. Moscow: Novaya Shkola, 1994. 320 p.

11. Panarin A.S. Politologiya. Uchebnik [Politology. Textbook]. Moscow: "PROSPECT", 1998. 408 p.

12. Panarin A.S. Filosofiya politiki [Philosophy of Politics]. Moscow: Novaya Shkola, 1996. 424 p.

13. Polterovich V.M., Popov V.V. Demokratizatsiya i ekonomichesky rost // Obshchestvennye nauki i sovremennost [Democratization and Economic Growth // Social Sciences and Modernity]. № 2. 2007. pp. 13-27.

14. Poslanie Prezidenta Federalnomu Sobraniyu. 22 dekabrya 2011 goda [Presidential Address to the Federal Assembly. December 22, 2011. URL: <http://kremlin.ru/news/14088> (accessed October 20, 2013).

15. Predsedatel Pravitelstva Rossiiskoy Federatsii V.V. Putin vstretilsya s rukovodstvom frakcii "Edinaya Rossiya" v Gosudarstvennoy Dume. 24.11.2011 [Russian Federation Premier Putin V.V. Met with Leaders of the United Russia Faction in the State Duma. November 24, 2011]. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17222/> (accessed October 20, 2013).

16. Psheworsky A. Demokratiya i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoy Evrope i Latinskoy Amerike. Per. s angl. [Democracy and the Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Tr. from English]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 320 p.

17. Romanovich N.A. Sotsiokulturny mekhanizm formirovaniya otnosheniya k vlasti v rossiiskom obshchestve. Avtoref. diss. doktora sots. nauk [Sociocultural Mechanism of Attitude to Power in Russian Society Formation. Abstract of Doctoral Thesis in Social Sciences]. Moscow, 2010. 42 p. URL: <http://www.vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=6469&from54=4> (accessed October 20, 2013).

18. Stenografichesky otchet o zasedanii Gosudarstvennogo soveta po voprosam razvitiya politicheskoy sistemy Rossii. 22.01.2010. [State Council Meeting on Development of Russia's Political System. 22.01.2010]. URL: <http://news.kremlin.ru/transcripts/6693> (accessed October 23, 2013).

19. Urnov M. Nisprovergnut avtoritarnoe bolshinstvo: neprostaya zadacha // Demokratiya i modernizatsiya: k diskussii o vyzovah XXI veka [Defeating the Authoritarian Majority: an Uneasy Task // Democracy versus Modernisation: Discussion on the XXI Century's Challenges. Moscow, 2010. pp. 73-88.

20. Shilov V.N. Mezhpartiynaya konkurentsia v Rossii: sovremennye realii i perspektivy // Nauchnie vedomosti BelGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika." [Interparty Competition in Russia: Modern realities and Prospects // BelSU Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies]. № 1(96). Issue 17. 2011. pp. 190-198.

21. Shilov V.N. Sotsialnoe ravenstvo kak tsel politiki i sovremennaya Rossiya // Nauchnie vedomosti BelGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika." [Social Equality as the Purpose of the Policy and Modern Russia // BelSU Scientific Bulletin. History. Political Science. Economics. Information Technologies]. № 13(84). Issue 15. 2010. pp. 203-211.

22. Shilov V.N., Rylkina A.P. Politicheskaya konkurentsia: termin, ponyatie, forma deyatel'nosti // Nauchnie vedomosti BelGU. Seriya "Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika." [Political Competition: the Term,

the Concept, the Activity Form // BelSU Scientific Bulletin. History. Political science. Economics. Information technologies]. 2011. № 13(108). Issue 19. pp. 176-184.

23. Schumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya [The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism and Democracy]. Moscow: Eksmo, 2007. 864 p.

24. Konfliktrisiko in demokratischen Übergangssituationen // FES (Friedrich-Ebert-Stiftung) – INFO. № 1. 2010. pp. 20-21.

25. Krell Chr., Mörschel T. Mehr Bildung, mehr Gleichheit, mehr Alternativen. Demokratie in Deutschland 2011 // Neue Gesellschaft / Frankfurter Hefte. № 5. 2011. pp. 25-29.

26. Rolle von Wahlkomisionen // FES-INFO. № 2. 2011. S. 69-70.

27. Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. 1942. 381 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шилов Владимир Николаевич
доктор философских наук, профессор

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Победы, 85, г. Белгород,
308015, Россия
Электронный адрес:
shilov@bsu.edu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shilov Vladimir Nikolaevich
Doctor of Philosophy, Professor

Belgorod State National Research
University

85, Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: shilov@bsu.edu.ru